

Яга1

СНАЧАЛА
КОФЕ,
ПОТОМ
ЧУДЕСА
♥

ТРЫНДЕРЬ

Найди свою сказку!

Князья ★★★★★
Богатыри ★★★★★
Купцы ★★★★★
Лешие ★★★★★
Ворыные ★★★★★

Характер
имеет значение!

Возраст
не помеха
для счастья!

СОРОЧЬИ
ВЕСТИ
♥

ЗЕЛЬЯ
ДЛЯ ЛЮБВИ

САМОРАЗВИТИЕ
ПО-СЛАВЯНСКИ

КАК НЕ ВЛЮБИТЬСЯ
В КОШКУ (ОПЯТЬ)

СЧАСТЬЕ
В ЛЮБОМ ВОЗРАСТЕ

КАК ЯГА МУЖА ИСКАЛА

Лана Эмбер

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

ЛАНА ЭМБЕР

Как Яга мужа искала

<https://litres.ru/74622712>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга из серии ЯГА/ сказки для взрослых.

Баба-яга прекрасно жила без мужа.

А потом однажды подумала: «А почему, собственно, без?»

Но, правильных мужиков разбирают быстрее, чем грибы после дождя. Хорошо, что в Белолесье появился «Трындеръ», популярная газета для знакомств.

Так началась самая опасная сказка в её жизни.

Потому что победить Кощея, пережить проклятие и выбраться из Тридевятого царства — это ещё куда ни шло. А вот найти нормального мужика после семисот тут уже одной магией не обойдёшься.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Первая ошибка	5
Глава 2. Хроническое	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

ЛАНА ЭМБЕР

Как Яга мужа искала

Глава

Глава 1. Первая ошибка

Жила-была Баба-яга. И жила она, надо признать, на зависть многим. Дом — крепкий, личный, с характером. Ступа — исправная, послушная. Лес кругом тянулся такой, насколько хватало глаза и позволяли пожелтевшие охранные документы. Долгов за душой не водилось, кредиторы — не докучали. Соседи, конечно, порой донимали, но на то они и были созданы природой: чтобы крепость ягиных нервов проверять.

По утрам Яга неизменно пила кофе. Никаких тебе травяных отваров, сушёных настоев или целебной росы, собранной на рассвете с северных пазух папоротника, — только кофе. Крепкий, как смоль, горький, без единой крупинцы сахара. Она открыла его для себя века с два назад, когда заезжий купец, заплутав в глуши, наткнулся на её Избушку. Переночевал, а поутру, обнаружив себя целым, невредимым и не съеденным, так расчувствовался, что оставил хозяйке целый мешок ароматных тёмных зёрен. Яга тогда попробовала напиток и окончательно рассудила, что человечество, пожалуй, ещё имеет право на существование.

В то утро она сидела на замшелом крыльце, согревая ладони о глиняные бока кружки, и задумчиво смотрела, как над сонной низиной лениво ворочается седой туман. Лес жил своей привычной, размеренной жизнью: где-то в чащобе

мерно, по-плотнички стучал дятел, из-под провалившегося сарая не спеша выкатился ёж, замер посреди двора и глубоко задумался, куда и зачем он шёл. За спиной Яги, тихонько поскрипывая старыми брёвнами, переминалась с ноги на ногу Избушка. Она всегда так делала, стоило ей застояться на одном месте.

— Не ёрзай, — не оборачиваясь, бросила Яга.

Дом послушно замер. Но через пару секунд, не выдержав, осторожно переставил левую куриную лапу.

— Я всё вижу.

Лапа обиженно вернулась на место. Яга отпила кофе. Жизнь была хороша именно своей предсказуемостью. Не в том смысле, что в ней совсем ничего не происходило. Как раз наоборот — у Яги постоянно что-нибудь случалось. То леший являлся на полусогнутых, слёзно умоляя снять заклятие, которое сам же на себя наложил по хмельному делу. То залётные царевичи начинали шляться по просекам, упрямо разыскивая невест, смерть, славу или всё разом. То какая-нибудь девица с заплаканными глазами требовала путеводный клубок.

Клубки Яга давно перестала выдавать из принципа. Во-первых, шерсть нынче дорогая. Во-вторых, возвращали редко. А в-третьих, после того как один Иван три месяца покорно брёл за клубком по чащобе, а потом предъявил претензию, что навигация привела его обратно к законной жене, Яга твёрдо решила: навигационные услуги населению боль-

ше не оказываются. Но всё это было наносное, внешнее. Оно приходило, шумело, грозилось, рассыпалось в благодарностях, иногда честно пыталось её убить, после чего неизменно убиралось восвояси. А настоящая жизнь оставалась её собственной.

Дом — её. Лес — её. Утро — только её. И никому не нужно объяснять, почему верная ступа стоит посреди кухни третьи сутки подряд. Никто не заглядывает в погреб с дурацким вопросом, зачем там томятся семь банок сушёных жаб. Никто не трогает колдовские травы, разложенные по столу в строго определённом, веками выверенном беспорядке. И главное — никто над ухом не храпит. Последнее Яга ценила особенно ревностно.

Она сделала последний глоток и уже собиралась подняться, когда со стороны просеки донёсся ровный металлический стук. Негромкий, размеренный, до боли знакомый. Яга замерла, прислушиваясь, но звук внезапно прекратился, а через минуту из-за раскидистых сосен показался Тихон. Он вышел на поляну с таким видом, будто никуда со двора и не уходил: большой, широкоплечий, в старой, издавшей видимость клетчатой простой рубаше. Рукава кузнеца были небрежно закатаны до локтей, обнажая сильные, жилистые руки, а в широкой ладони он легко, словно пушинку, нёс увесистый ящик с инструментами.

Яга перевела взгляд с ящика на Тихона. Внутри неё мгновенно, без долгих раздумий, сформировался ответ.

— Нет.

— Доброе утро, — невозмутимо отозвался Тихон.

— Нет, — повторила Яга.

— Кофе есть?

— Тебе чего надо, кузнец?

Тихон молча пристроил тяжёлый ящик возле ступы, которая стояла у бревенчатой стены с самым невинным видом, совершенно не выдавая наличия поломок.

— Вот этого. — Тихон кивнул на деревянный борт.

Яга прищурилась, оглядывая свой транспорт:

— А что с ней не так?

Кузнец поднял на неё спокойные глаза:

— Вправо тянет.

— Не тянет.

— Тянет, Яга.

— Я на ней вчера летала, всё исправно было!

— Потому и пришёл, что летала.

— Тихон!

Он не стал спорить. Просто присел рядом со ступой на корточки и привычным, неторопливым движением провёл мозолистой ладонью по нижнему дубовому ободу.

— Ты чего туда опять напихала?

— Ничего.

— Угу. — Кузнец выразительно приподнял бровь.

— Травы.

— Угу.

— Ну, инструменты кое-какие...

— Угу.

Яга пожевала губу, прикидывая в уме вес вчерашней поклажи:

— Два котла.

Тихон молча перевёл на неё долгий взгляд.

— Маленьких!

Тихон ничего не ответил. Он просто вздохнул и полез внутрь ступы, методично, как заправский фокусник, извлекая на свет божий её скрытые сокровища. Сначала на траву глухо шлёпнулся увесистый холщовый мешок. За ним — второй, поменьше. Следом на волю перекочевал тугой свёрток с сушёной полыньёю, медный котёл, ещё один котёл (действительно поменьше, тут Яга почти не соврала), потемневшая деревянная коробка с какими-то склянками, чей-то старый кожаный пояс и, наконец, добротный юфтевый сапог. Тихон брезгливо приподнял его двумя пальцами за голенище и вопросительно приподнял бровь:

— Это зачем здесь?

— Запасной, — отрезала Яга, скрестив руки на груди.

— Один?

— Второй потерялся.

— Тогда это не запасной, Яга. Это оставшийся.

— Ты ступу чинишь или ревизию мне тут проводишь, умник! — Яга демонстративно отвернулась к лесу.

Кузнец только головой покачал, отложил сапог в сторону

и нырнул в ступу чуть ли не по плечи. Через пару секунд в его широкой, испачканной сажей ладони оказалась небольшая, но невероятно увесистая чугунная сковорода. Яга невольно нахмурилась и даже шагнула вперёд:

— О, а я её искала всю прошлую неделю!

Тихон молча, с глухим стуком опустил чугун рядом с сапогом. В следующие несколько минут возле ступы выросла такая внушительная гора разнообразного имущества, что при некотором воображении и острой нехватке мебели ею можно было бы обставить небольшую летнюю кухню. Кузнец наконец поднялся, шумно выдохнул, вытер мозолистые руки о плотные штаны и выразительно посмотрел на хозяйку дома:

— Вот поэтому её вправо и клонит.

— Раньше не клонило.

— Раньше у тебя там чугунной сковороды на дне не лежало.

— Одна сковородка боевую ступу с курса не собьёт, — резонно заметила Яга, упрямо вскинув подбородок.

— Там ещё топор под обод заклинило.

Яга на секунду замерла, подбирая веское возражение, но промолчала.

— Топор нужен, — буркнула она наконец.

— В полёте? На высоте птичьего крыла?

— Мало ли что в небесах случится.

Тихон ничего не ответил. И это, надо сказать, была одна

из самых раздражающих его привычек. Кузнец вообще умел молчать с таким сокрушительным изяществом, что человеку рядом становилось абсолютно, до капли ясно, что именно Тихон о нём думает.

Яга знала его очень давно. Насколько давно — ни один из них уже точно не помнил, да и не пытался считать. Лет сто пятьдесят, может, чуть меньше, если сбросить пару дождливых зим. Когда они только познакомились, у Тихона кузница была совсем другая, пониже, у самой речушки, у Яги ступа была старая, берёзовая, а дуб возле оврага стоял такой тонкий, что на него можно было взобраться без всякой лестницы. За это время вокруг менялись цари, перекраивались границы, обесценивались деньги, протапывались новые дороги и кардинально менялись представления людей о приличиях. Тихон же менялся меньше всех. Немного поседел у висков, обзавёлся сеткой глубоких, добрых морщин возле глаз и стал ещё реже спорить с дураками. С Ягой, впрочем, спорить не переставал.

— К вечеру-то справишься? — спросила она, кивнув на разобранный транспорт.

— Сделаю.

— Мне завтра лететь надо. Обязательно.

— Куда это? — Тихон прищурился.

— Не твоего ума дело.

— Значит, никуда, — спокойно подытожил кузнец.

— Тихон!

— Яга.

Они замерли, упрямо мерясь взглядами. За их спинами Избушка, поймав момент, тихонько и на редкость жалобно скрипнула брёвнами. Оба одновременно, как по команде, повернули головы к дому. Изба мгновенно оцепенела, притворившись неодушевлённой деталью пейзажа.

— И петлю глянь. — Яга нарушила тишину, махнув рукой в сторону крыльца.

— Какую ещё петлю?

— На двери. Скрипит, как неживая.

— Я тебе про эту петлю третий месяц твержу.

— Я сама собиралась смазать! На днях буквально!

— Вижу. — Кузнец выразительно посмотрел на сухие, чистые ладони Яги. — Ладно, не начинай.

Тихон легко, будто ведро с водой, подхватил дубовую ступу за массивный край:

— В кузницу заберу. На верстаке сподручнее обод править.

— Только не поцарапай мне обшивку, — напутствовала Яга.

Он посмотрел на неё с таким видом, словно хозяйка леса только что попросила потомственного кузнеца не прикасаться к железу.

— И чтоб к вечеру вернул!

— Если мешки обратно доверху не напихаешь — верну.

— Это мои личные, необходимые в хозяйстве вещи!

— Тогда летай боком, Яга. По компасу.

Он развернулся и размашистым, уверенным шагом понёс ступу в сторону лесной тропинки. Яга проводила его широкую спину взглядом.

Яга собрала разбросанное по поляне имущество, сердито ворча под нос, и занесла его в дом. Первым делом она водрузила чугунную сковороду на её законное место у печи, а затем потратила добрых десять минут на то, чтобы отыскать в углах Избушки второй сапог. Тот словно сквозь землю провалился, зато в процессе поисков под лавкой обнаружились старые кованые ножницы, пропавшие ещё прошлой зимой, забытый мешочек с сушёными яблоками и потемневшая серебряная ложка, о происхождении которой Яга предпочла лишний раз не задумываться.

К полудню она успела перебрать свежую полынь и навести относительный порядок в кладовой. Оттуда пришлось с треском выгнать мышей, которые за последние дни совершенно обнаглели и без зазрения совести складывали ворованные лесные орехи в её собственный мешок. Закончив с грызунами, Яга затеяла короткую, но яростную войну с Избушкой из-за окна. Дом, упрямо переминаясь на куриных ногах, хотел стоять фасадом к полуденному солнцу, в то время как Яге для работы с травами нужен был письменный стол в густой тени. После непродолжительного, но упорного противостояния, когда чашки в шкафу начали испуганно звякать, Избушка демонстративно вздохнула и повернулась бо-

ком.

— Вот ведь характер, — покачала головой Яга, уперев руки в бока.

В ответ на это Избушка капризно и демонстративно присела, поджав лапы.

— Ещё раз так сделаешь — курятник из тебя сделаю, — пригрозила хозяйка.

Угроза подействовала мгновенно: дом обиженно выпрямился и замер.

Перед самым обедом Яга решила выбраться на торжок за солью — старые запасы совсем отсырели из-за нудного дождца, который опять зарядил и уныло стучал по крыше. Ступа была у Тихона, так что пришлось воспользоваться старым проверенным способом, лететь на метле. Торговцев на площади оказалось немного: промозглая непогода и липкая грязь разогнали даже самых стойких и упрямых. У самого края торговых рядов, там, где худой навес протекал сильнее всего, а по брезенту звучно шлёпали крупные капли, сидел одинокий старик с корзиной трав. Одежда на нём промокла насквозь, пальцы посинели от резкого осеннего ветра, а немудрёный товар лежал вперемешку, без всякого изыска: пучки полыни, зверобой да какие-то корявые сушёные корешки. Покупателей, понятное дело, возле него не наблюдалось.

Яга подошла ближе, поправила накиннутый на голову плащ, наклонилась и взяла пучок зверобоя. Втянула носом

горьковатый, пряный аромат.

— Почём? — спросила она.

Старик поднял на неё тусклые глаза и назвал цену — совсем крошечную, даже для такого сиротливого дня. Яга окинула взглядом полупустую корзину:

— А за всё сразу сколько возьмёшь?

Старик не сразу понял вопрос, уставившись на неё с лёгким испугом, а потом торопливо, путаясь в узлах, пересчитал пучки и дрожащими губами назвал цифру. Яга молча отсчитала монеты, не став торговаться, отчего старик неожиданно смутился и засуетился, будто привычный рыночный спор был бы для него куда понятнее такой внезапной милости.

— Благодарствую, дочка, — негромко сказал он, увязывая травы в её мешок. — Дай тебе бог здоровья.

Затем он суетливо полез куда-то глубоко под прилавок, долго возился в складках мокрой холстины и наконец вытащил маленький, чахлый саженец — тонкий прутик с двумя жалкими, поникшими листочками.

— Возьми вот яблоньку. — Старик протянул её Яге, преданно заглядывая в глаза. — Хотя и мала да неказиста на вид, да сказывают люди, яблочки у неё со временем сладкие да пригожие будут.

— Мне соль была нужна, а не яблоня, — буркнула Яга, косясь на чахлый прутик.

— Соль — дело такое, известное, — кротко согласил-

ся старик, шмыгнув носом. — А яблоня даром. От чистого сердца, дочка. Бери, не обижай старого.

Отказываться дальше было как-то совсем неловко, особенно после того, как человек весь день мок под худой крышей ради пары грошей. Яга вздохнула, бережно перехватила прутик, сунула его под мышку рядом с мешком, в котором глухо перекатывались комья соли и шуршали травы, и полетела домой. Вернувшись на поляну, она первым делом воткнула саженец у южной стены Избушки — там земля была угретая, помягче. Приладила рядом колышек, крепко привязала бечёвкой, чтобы осенним ветром не сломало, и тут же выбросила это из головы: мало ли кто чего на торжке надарит. У неё и без того хлопот хватало. После обеда, как и водится последние две сотни лет, без предупреждения пришла Кикимора. Дверь Избушки жалобно скрипнула, и гостья с порога, даже не отряхнув мокрый платок, деловито осведомилась:

— Есть что пожрать?

— Нет, — отрезала Яга, не поднимая глаз от ступки, в которой перетирала коренья.

Кикимора, ничуть не смутившись, прямым ходом направилась к печи и заглянула в чугунный зев:

— Врёшь.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Из вежливости, — невозмутимо отозвалась гостья.

Она ловко подцепила ухватом пузатый горшок, понюхала

наваристое содержимое, удовлетворённо хмыкнула, нашла на полке большую деревянную ложку и уселась за стол.

Внешне Кикимора была маленькая, суховатая, с волосами совершенно неопределённого болотного оттенка, которые она стягивала на затылке в такой тугий и сердитый пучок, словно лично не доверяла ни одному волоску на своей голове. На первый взгляд в ней не было абсолютно ничего примечательного. На второй, впрочем, тоже. Но стоило человеку провести с ней рядом хотя бы четверть часа, как выяснялось, что Кикимора помнит, кто, кому и что наговорил девяносто лет назад на княжеском пиру, сколько именно мешков муки недосчитались амбарные после свадьбы царя Гороха, и по какой такой причине ни в коем случае не следует покупать мёд у пасечника за северной речкой.

— Послезавтра все придут, — заметила она, аппетитно причмокивая и отправляя в рот очередную порцию ягиного обеда.

— Знаю.

— Не знаешь.

— Это ещё почему? — Яга наконец отложила пестик и сердито посмотрела на подругу.

— Потому что если бы знала, не сидела бы тут сиднем. Яга оглядела кухню.

— Я не сижу. Я работаю.

— Сейчас — сидишь.

— До тебя работала!

— А надо готовиться.

— Я и готовлюсь!

Кикимора выразительно обвела ложкой комнату. На столе сиротливо громоздилась свежая полынь, на лавке всё ещё лежал тот самый одинокий сапог, а возле двери сиротливо жались два мешка с солью и травами.

— Вижу, — хмыкнула болотная гостья.

До праздника Колеса года оставалось всего два дня, и подготовка к нему каждый год проходила примерно по одному и тому же сценарию. Сначала все бабы клялись, что на сей раз обойдутся без лишней суеты и беготни, а потом внезапно выяснялось, что Русалка опять забыла про обещанную рыбу, Марья Моревна припёрла дров на три зимы вперёд, Василиса Премудрая составила список необходимого на четырёх листах мелким почерком, а Елена Прекрасная решила, что прошлогодние венки выглядят «немного устало», и принялась плести новые из свежей рябины. На праздники они собирались вместе уже столько лет, что никто из них и вспомнить не мог, когда именно это стало нерушимой традицией. Иногда девичник устраивали у Василисы, пару раз пробовали собраться у Русалки, но после второго случая, когда половину праздничных пирогов пришлось вылавливать баграми из реки, эту затею оставили раз и навсегда. Так что в этот раз Колесо крутилось у Яги.

— Русалка божилась, что рыбу принесёт, — облизав ложку, заметила Кикимора.

— В прошлом году она тоже божилась.

— В прошлом году она влюбилась, у неё мозги утекли.

— Это не уважительная причина для отсутствия закуски,

— отрезала Яга.

— Я ей так и сказала.

— И?

— В этом году она пообещала не влюбляться до самого праздника.

Яга скептически хмыкнула:

— Рискованное обещание для девки с рыбьим хвостом.

— Вот и я подумала, что рискованное, поэтому рыбу на всякий случай заказала ещё и у водяных.

— Разумно, — вынуждена была признать Яга.

Кикимора наконец доела, тщательно вытерла ложку корочкой хлеба, отправила её в рот и только теперь, кажется, окончательно почувствовала себя как дома. Она не спеша поднялась, отнесла пустой горшок к печи и принялась за чем-то переставлять ягины глиняные банки на полке.

— Лебедь придёт, — мимоходом бросила она.

Яга со свистом выдохнула и чуть не выронила пучок полыни:

— Что?

— Ничего.

— Яга.

— Я сказала: ничего!

Кикимора обернулась и одарила её долгим, немигающим

болотным взглядом:

— Опять рифму к имени Лебедь подбираешь?

Яга высоко вздёрнула бровь:

— Какую ещё рифму?

— Я тебя, Ягусь, слишком давно знаю.

— Ничего ты не знаешь.

— Ну конечно, куда уж мне.

Царевну Лебедь Яга знала тоже не первую сотню лет и от-носилась к ней вполне сносно — особенно когда та находи-лась где-нибудь на приличном расстоянии. Лебедь обладала редким, уникальным талантом получать от жизни абсолют-но всё то, ради чего другим женщинам приходилось строить планы, вступать в тяжёлые переговоры, брать штурмом кре-пости или хотя бы просить. Сама Лебедь никогда ничего ни у кого не просила. Это купеческое достоинство она подчёр-кивала при каждом удобном случае. Если на её шее появля-лось новое ожерелье стоимостью с небольшое удельное кня-жество, оно непременно было «подарено».

Если она прикатывала на праздник в новой карете — «по-далили». Когда у неё однажды во владении появился целый остров, Яга не выдержала и в лоб спросила, каким таким образом человеку вообще можно невзначай подарить ост-ров. Лебедь тогда искренне, по-детски удивилась и захлопа-ла ресницами: «Ягусь, ну я же его не просила!» С тех пор Яга старалась лишних уточняющих вопросов девице не задавать.

— Не трогай банки, — сердито буркнула хозяйка Избуш-

ки. — У тебя можжевельник теперь возле зверобоя стоит.

— И?

— И ничего хорошего. Поставь обратно.

— Поставлю, когда переставлю, — невозмутимо отозвалась Кикимора, продолжая греметь керамикой.

— Это мой дом, вообще-то.

— Поэтому я тебе и помогаю, неблагодарная.

Яга открыла было рот, чтобы подробно, по пунктам объяснить подруге, почему именно эта болотная логика порочна от начала и до конца, но передумала. Спорить с Кикиморой о порядке в доме было всё равно что спорить с осенним дождём о сырости — занятие энергозатратное и абсолютно бесполезное. Вместо этого она достала вторую кружку и налила себе ещё кофе. Кикимора наконец закончила свою ревизию, уселась напротив и некоторое время молчала, слушая, как за окном шелестит мокрый лес. Избушка лениво ковыряла когтем размокшую землю во дворе, а где-то неподалёку хрипло каркнула ворона и тут же получила раздражённый ответ от товарки.

— Ягусь, — негромко позвала Кикимора.

Яга сразу насторожилась и прищурилась. Болотная гостья редко говорила таким вкрадчивым тоном без веской на то причины.

— Чего тебе?

— А мужика-то тебе... не хочется?

Яга уже открыла рот, потому что готовый, выверенный ве-

ками ответ на такие глупые вопросы у неё существовал давно и не требовал никаких дополнительных размышлений.

Ответ «Нет, на кой чёрт он мне сдался?» уже вертелся на языке. У Яги были дом, независимость, свои деньги, нерушимые привычки и прекрасная возможность спать по утрам поперёк кровати, не обнаруживая под боком чужих острых локтей. Ответ был очевидным, но Яга почему-то медлила. Вместо того чтобы высказать его, она сделала медленный глоток кофе.

Кикимора внимательно подпёрла подбородок рукой:

— Чего молчишь-то?

— Кофе пью.

— Я вижу. А я ответа жду.

Яга отвернулась к окну, где Изба как раз вытащила из земли жирного дождевого червяка, с явным интересом осмотрела его со всех сторон и аккуратно присыпала обратно сухими листьями.

Мужчина в её жизни до сих пор представлялся явлением крайне неоднозначным. С одной стороны — это чужие грязные сапоги у порога, лишняя кружка на столе и чьи-то вещи там, где ещё вчера ничего не лежало. Это необходимость делить пространство, которое веками было устроено исключительно под неё. И ведь храпеть начнёт, люди вообще много чего нелепого делают во сне. Но с другой стороны... Мужчина — это живой голос из соседней комнаты. Тёплое плечо под боком ненастной осенней ночью и возможность крик-

нуть из кладовой: «Поддай банку с верхней полки!» — не потому, что сама не достанешь, а просто потому, что он ближе. Кто-то, кто угадает твой паршивый день ещё до того, как ты успеешь окончательно испортить его окружающим. Кто-то, кому можно высказать то, что ни за что не понесёшь ни Кикиморе, ни Василисе, потому что завтра это непременно превратится в обсуждение за общим столом во время посиделок.

Яга недовольно поджала губы. Ей прекрасно жилось одной. Никто не спрашивал, куда она полетела и когда вернётся, никто не переставлял зверобой и не ныл над ухом человеческим голосом: «А что у нас сегодня поесть?», стоя в двух шагах от полной печи. И всё-таки мысль о том, что однажды она вернётся в Избушку, а там горит свет и её кто-то ждёт, неожиданно не показалась ей отвратительной. Вот это уже было подозрительно.

Она хмуро поставила кружку на стол. Никакой пустоты внутри неё внезапно не обнаружилось, хуже жить она не стала, но среди множества вещей, которых она могла захотеть, почему-то появилась ещё одна.

— Допустим, — нехотя уронила Яга.

— Что «допустим»? — Кикимора даже подалась вперёд.

— Ничего. Я сказала: допустим.

— Я слышала.

Яга постучала пальцем по глиняному боку кружки. Разговор следовало прекратить немедленно, пока он не зашёл в

опасные дебри, но вместо этого она тихо спросила:

— А где сейчас вообще мужиков ищут?

Кикимора медленно отодвинула от себя пустую тарелку, и в её глазах вспыхнул такой яростный болотный огонёк, что Яге стало не по себе.

— Ох ты ж, мать моя болотная...

— Чего ты?

— Ничего, Ягусь. Ты спрашивай, спрашивай.

— Я уже спросила.

— Вот этого я и боюсь. Сейчас газеты есть специальные, брачные. Завтра Лягушка свежий выпуск обещала принести. Называется... прости господи, «Трындерь».

Много позже, когда по лесу начнут летать сороки с её личным рейтингом, Кощей Бессмертный пришлёт упыря-нотариуса оценивать Избушку, а выяснение семейного положения очередного кандидата потребует участия двух свидетелей, Яга ещё не раз вспомнит этот тихий дождливый день. И будет совершенно точно знать, в какой именно момент всё пошло не туда. Не тогда, когда Кикимора задала свой вопрос.

А тогда, когда Яга решила на него ответить.

Глава 2. Хроническое

К празднику начали готовиться с самого утра. Точнее, Яга начала готовиться с утра, а остальные начали съезжаться ближе к полудню, чтобы подробно объяснить ей, что именно она делает неправильно. Первой, как ни странно, явилась Марья Моревна. Она показалась на тропе верхом на вороном коне, а вслед за ней тяжело катилась телега, нагруженная так, словно Марья собиралась не праздновать осенний поворот Колеса, а пережить в ягином лесу долгую средневековую осаду. Два мешка зерна, бочонок мёда, связки копчёного мяса и столько колотых дров, что Яга некоторое время молча смотрела на это великолепие, пытаясь вспомнить, не пропустила ли она объявление о наступлении ледникового периода.

— Это зачем столько? — спросила Яга, когда Марья прыгнула с седла.

— Дрова.

— Я вижу, что не лебеди. У меня вообще-то кругом лес.

Марья критически осмотрела сосны, потом повернулась к Яге:

— Сырые они у тебя.

— Я семьсот лет как-то справлялась.

— Вот поэтому я сухостоя и привезла.

Спорить с Марьей Моревной было делом пропадающим. Она

относилась к любому чужому возражению как к плохо сформулированному приказу и выполняла его исключительно по собственному усмотрению. Через десять минут половина её дров уже аккуратно лежала под навесом.

— Остальные куда разгружать? — крикнула Марья, подхватив очередную охапку.

— Обратно на телегу и вези домой!

Марья посмотрела на неё своим фирменным взглядом степной воительницы. Яга вздохнула:

— Под второй навес клади, рядом с баней.

Это Марью вполне устроило.

Праздник приходился на самое начало осени, когда дни

ещё всю держали летнее тепло, но по утрам над низинами уже стелился ледяной туман. Яблоки наливались тяжестью, орехи с сухим стуком падали в пожухлую траву, а лес начинал густо пахнуть сыростью, грибами и первым опавшим листом. Яга любила это время. Весна была слишком суетливой — всё лезло наружу, пело, цвело и требовало внимания. Лето стояло шумным и самоуверенным, словно собиралось длиться вечно. Зима хотя бы честно предупреждала, что ничего хорошего от неё ждать не стоит. А осень умела вовремя остановиться. На праздники Колеса года они собирались регулярно, хотя никто из присутствующих никогда не называл эти сборища дружескими. Слово «подруги» было каким-то слишком мягким, нежным и предполагало добровольность. Эти же женщины однажды появились в её жизни и почему-то отказались уходить. Это были не подруги. Это было хроническое. К полудню приехала Василиса Премудрая. Она привезла три плетёные корзины, четыре свёртка и длинный свиток. Список Яга заметила сразу. И аккуратно поставила галочку напротив чего-то другого. Яга предпочла не вмешиваться. Следующей появилась Царевна-лягушка. Она пришла пешком, в человеческом облике, неся большую корзину свежих трав и маленькую плетёную клетку, которая время от времени издавала отчётливое «Ква!».

Яга подозрительно посмотрела на клетку:

— Родственников привела?

Лягушка даже не подумала обидеться:

— Это закваска для праздничного пирога.

— Она квакает, Лягушка.

— Поэтому и хорошая, живая закваска.

— Я не хочу знать, как это работает.

— И правильно.

Она унесла клетку в прохладный угол возле кладовой, строго предупредив ни в коем случае её не открывать.

Марья Моревна немедленно заинтересовалась и спросила, почему.

— Потому что убежит.

— Закваска? Убежит? — Марья пожала плечами.

В её суровом мире вещь, способная к побегу, автоматически становилась немного более достойной уважения. Следом явилась Елена Прекрасная, и сразу стало ясно, что праздничный стол, который до её появления был просто большим деревянным столом под навесом, больше таковым не останется. Елена остановилась посреди двора, критически оглядела лавки, корзины с капустой и разложенные на траве яблоки.

— Уныло, — вздохнула она.

Яга подняла голову от котла:

— Чего?

— Красиво, конечно, но уныло.

— Это осень, Елена. Мы празднуем осень.

— Я знаю, как выглядит осень, Яга. Но это не повод устраивать из девичника поминки по лету.

Через четверть часа откуда-то появились гроздья красной

рябины, ветки поздних хризантем, яркие ленты и восковые свечи. Яга молча наблюдала, как её суровый ведьминский двор превращается во что-то подозрительно нарядное, и решила вмешаться, пока Елена не добралась до самой Избушки.

— Только дом моими лентами не украшай.

— Почему это?

— Ей понравится, потом до зимы хвастаться будет.

Избушка, услышав это, немедленно повернулась к Елене фасадом и кокетливо присела.

— Поздно, — констатировала Елена Прекрасная, вешая венок над дверью.

— Предательница, — шикнула Яга на Избу. Дом довольно скрипнул.

Русалку ждали с рыбой. Поэтому, когда она появилась на поляне абсолютно без рыбы, никто особенно не удивился. Она шла со стороны леса босиком, весело напевая и неся в руках огромное глиняное блюдо с чем-то ярко-зелёным. Кикимора, которая к тому времени уже успела проверить ягины запасы, раскритиковать способ хранения орехов и молча переставить половину банок в кладовой, строго уставилась на Русалку:

— Где рыба?

Русалка остановилась, захлопав ресницами:

— Какая рыба?

Кикимора мученически закрыла глаза:

— Та самая, которую ты обещала принести. Крупная. Озёрная. Для пирога.

— А-а... — протянула Русалка.

— Что «а»?

— Я забыла.

— Ты же обещала не влюбляться до праздника!

— Я и не влюбилась, — искренне возмутилась Русалка.

— Тогда почему забыла?

Русалка задумалась, разглядывая свои босые пальцы:

— Просто так. Задумалась о вечном.

Судя по лицу Кикиморы, это было гораздо хуже, чем если бы у Русалки появился очередной заезжий купец.

— Рыба будет, — вздохнула болотная гостья, повернувшись к Василисе. — Я же говорила, что на неё нельзя полагаться. Водяные уже везут карасей.

— Ты мне не доверишь? — Русалка надула губы и поставила своё блюдо на стол. — А это я сама сделала. Салат.

Марья Моревна подошла ближе, подозрительно принюхиваясь:

— Из чего салат-то?

— Не знаю, — беспечно отозвалась Русалка. — Трава какая-то у ручья росла. Красивая.

Василиса Премудрая осторожно, двумя пальцами подвинула блюдо подальше от остальных продуктов и сделала пометку в своём списке:

— Сначала проверим.

— На что?

— На ядовитость, Русалка. На неё самую.

Русалка фыркнула и отправилась помогать Елене. Помощь довольно быстро свелась к тому, что обе девицы начали громко спорить, какого цвета ленты лучше сочетаются с рябиновыми гроздьями — кумачовые или золотые. Царь-девица приехала ближе к вечеру, когда тени от сосен вытянулись через всю поляну. Она привезла мешок каменной соли и две тяжёлые бочки вина. Яга посмотрела на бочки, потом на Царь-девицу:

— Нас вообще-то всего девять будет. Зачем две?

— Чтобы хватило, — лаконично отозвалась та.

Марья Моревна одобрительно кивнула. Василиса заглянула в свой свиток:

— Вино должна была принести Елена.

Царь-девица сняла тяжёлые перчатки:

— Елена привезла бы красивое. С цветочками на пробке.

Елена Прекрасная медленно обернулась от стола:

— А ты, надо полагать, привезла хорошее?

— Крепкое, — отрезала Царь-девица.

Они некоторое время мерили друг друга взглядами.

— Я тебя иногда искренне ненавижу, — сообщила Елена.

— Я знаю.

Царь-девица бросила перчатки на лавку и принялась помогать Марье стаскивать бочки с телеги. Никаких распоряжений она не отдавала, но через пять минут каким-то обра-

зом получилось, что одна бочка уже стояла в прохладном погребе, вторая была открыта, а Марья Моревна где-то раздобыла ещё одну удобную лавку. Яга посмотрела на это и решила не вмешиваться. К вечеру двор был окончательно готов. Над длинным столом покачивались рябиновые венки, на нарядной скатерти лежали румяные яблоки, орехи, свежий хлеб, горшочки с мёдом, сыр и грибы. Избушка стояла украшенная, как невеста, и явно собой гордилась. Не хватало только Лебеди.

— Опоздает, — не оборачиваясь от печи, заметила Кикимора.

— Откуда знаешь? — спросила Яга.

— Потому что Лебедь никогда не приходит вовремя. Красивым можно.

Елена Прекрасная резко подняла голову от тарелок:

— Неправда! Я пришла вовремя.

— Ты пришла на два часа раньше, чтобы переделать мой стол, — напомнила ей Яга. — Это не «вовремя», это диагноз.

Царевна Лебедь появилась через двадцать минут. Её карета остановилась у самого края поляны, потому что дальше Избушка дорогу забаррикадировала дровами, и остаток пути Лебедь шла пешком. На ней было светлое, расшитое серебром платье, совершенно непригодное для прогулок по сырому лесу, но каким-то чудом оставшееся абсолютно чистым. В руках она несла плетёную корзину с диковинными фруктами, половину из которых Яга за свои века ни разу не

видела.

Русалка первой полезла в корзину:

— Это что такое мохнатое?

— Не знаю, — улыбнулась Лебедь, снимая тонкие перчатки.

— А это жёлтое?

— Тоже не знаю.

— Откуда взяла-то?

— Мне подарили.

Яга, стоявшая у стола с кувшином в руках, медленно повернула голову. Кикимора сразу это заметила и толкнула её локтем:

— Ягусь, даже не думай.

— Я ничего.

— У тебя по лицу рифма пошла. Я же просила.

Лебедь посмотрела сначала на одну, потом на другую:

— Какая рифма?

— Никакая, — быстро перебила Кикимора.

— Очень хорошая рифма, —插入了 Яга. — Про подарили и про «не насо...».

— Яга! — цыкнула Кикимора.

— Молчу, молчу.

Лебедь только плечами пожала и принялась выкладывать фрукты на блюдо. На её запястье тускло блеснул тонкий золотой браслет с зелёными камнями. Елена Прекрасная немедленно подошла ближе, перехватив её руку:

— Ой, какой браслет. Красивый. Новый?

— Да. — Лебедь улыбнулась своей самой деликатной улыбкой. — Мне подарили, я не просила.

Яга поставила кувшин на стол чуть сильнее, чем требовалось:

— Мы знаем, Лебедь. Мы всё знаем. Ты никогда ничего не просишь.

Лебедь искренне улыбнулась:

— Ну да.

Праздничное застолье начали уже в глубоких сумерках. Сам праздник поворота Колеса был только завтра, но первая ночь подготовки давно стала для них почти такой же важной, как сам торжественный день. Именно сейчас всё ещё было немного недоделано: хлеб остывал на досках, яблоки приходилось перекладывать с места на место, кто-нибудь обязательно обнаруживал, что забыл что-то важное, и никто ещё не пытался соблюдать строгий порядок. Это время Яга любила больше всего. Она вынесла ещё один кувшин вина, вернулась к столу и обнаружила, что место во главе лавки уже заняла Марья Моревна.

— Встань, — сказала Яга.

— Почему это?

— Моё место.

— Где написано?

— У меня во дворе.

Марья нехотя подвинулась на пол-лавки:

— Садись рядом. Поместишься.

— Я не хочу помещаться в собственном доме, Марья. Я хочу сидеть с удобством.

Марья вздохнула и пересела:

— Хозяйка, право слово.

— Именно.

Когда все наконец расселись, на поляне стало тихо примерно на три секунды. Потом Русалка спросила у Лебеди, кто именно подарил ей браслет, и через десять минут разговор уже привычно свернул на мужчин. Яга даже не сразу поняла, в какой момент это произошло. Ещё секунду назад Василиса Премудрая подробно рассказывала, почему прошлогоднее зерно нельзя смешивать с новым урожаем, потом Елена вспомнила заезжего купца, который привёз ей необыкновенную заморскую ткань, Русалка спросила, красивый ли был купец, Елена ответила, что не заметила, а Марья Моревна громогласно заявила, что это потому, что Елена вообще не умеет смотреть на мужчин практически.

— А практически — это как? — заинтересовалась Русалка, подперев щеку кулаком.

— Сразу понимать, на что он годен в хозяйстве, — отрезала Марья.

— Я обычно сразу понимаю. — Русалка весело подмигнула Царь-девице.

— Ты не о том понимаешь, Русалка.

— Почему не о том?

— Потому что ты вообще всегда только об одном и думаешь.

Русалка совершенно не смутилась:

— И что в этом плохого?

Царь-девица спокойно отрезала кусок ржаного хлеба и густо намазала его мёдом:

— Если мужчина годен только для одного, это крайне плохое вложение времени.

Русалка повернулась к ней, сощурившись:

— А тебе самой-то кто-нибудь нравится?

Яга подняла глаза от своей кружки. За столом на короткое мгновение стало непривычно тихо. Елена Прекрасная удивлённо моргнула, Царевна-лягушка перестала жевать, а Русалка медленно улыбнулась.

Царь-девица спокойно откусила хлеб:

— Есть одна кандидатура.

Елена подалась вперёд:

— Одна? И кто же?

— Не твоего ума дело, — лаконично бросила Царь-девица и совершенно явно дала понять, что тема закрыта.

Русалка уже открыла рот, чтобы продолжить расспросы, но Марья Моревна вовремя ткнула её локтем в бок:

— Не лезь.

— Я не лезу, мне просто интересно!

— Вот поэтому и не лезь.

О мужчинах забыли минут на пятнадцать, переключив-

шись на обсуждение того, сколько лошадей можно провести через северный перевал до первых снегов. Но затем Царевна Лебедь, рассказывавшая о новых яблонях возле своего берега, вдруг повернулась к Яге:

— Ягусь, а у тебя-то кто-нибудь есть?

Яга не сразу поняла, что вопрос обращён к ней:

— Где?

— В жизни. Ну, мужчина.

Кикимора рядом с ней мгновенно перестала жевать. Яга почувствовала это всем телом и мысленно пообещала подружке крупные неприятности, если та откроет рот.

— Нет, — отрезала Яга.

Лебедь понимающе кивнула и потянулась за орехами. На этом разговор вполне мог закончиться, и Яга уже решила, что Лебедь проявила редкую для неё деликатность, когда Русалка звонко спросила:

— А тебе вообще... нужен мужчина, Яга?

Яга посмотрела на неё. Ещё вчера она ответила бы автоматически, не задумываясь. Сегодня, после вчерашнего разговора с Кикиморой, вопрос уже не казался ни глупым, ни простым.

— Может быть, — тихо сказала Яга.

Кикимора издала какой-то подозрительный, хриплый звук, похожий на всхлип тонущей лягушки. Яга медленно повернулась к ней:

— И ты молчи.

— Я вообще ничего не сказала!

— Ты думаешь громко. На весь лес слышно.

Василиса Премудрая строго посмотрела сначала на Ягу, потом на Кикимору:

— Что у вас там происходит?

— Ничего у нас не происходит, — буркнула Яга.

— Есть кое-что, — невозмутимо вставила Кикимора.

Яга поняла, что скрывать уже поздно. Да и убивать Кикимору прямо перед праздником было непрактично — никто другой не умел по запаху определять, какой именно гриб испортит весь котёл с похлёбкой. Она налила себе вина, сделала глубокий глоток и выложила карты на стол:

— Я вчера спросила у неё, где сейчас мужиков ищут.

— Сегодня утром, — невозмутимо поправила Кикимора.

— Предательница, — процедила Яга. — Я просто уточнила.

Русалка с громким стуком поставила кружку на стол:

— О-о-о...

— Что «о», Русалка? У тебя очень содержательное «о».

— Просто это неожиданно. Ты же никогда никого специально не искала.

Вот это было чистой правдой. Специально Яга мужчин никогда не искала. Они случались в её жизни и раньше — иногда хорошие, иногда такие, что хотелось вернуть их судьбе с претензией по качеству. Кто-то задерживался, кто-то исчезал без следа, а один Кощей Бессмертный задержался так

надолго, что спустя несколько веков всё ещё считал случившееся между ними отношениями, хотя Яга придерживалась строго иной точки зрения. Но чтобы самой, по собственной воле пойти искать... такого ещё не было.

— Вот теперь захотелось посмотреть, — твёрдо сказала она.

— На мужчин? — уточнила Марья Моревна.

— На варианты.

— Мужчины очень не любят, когда их называют «вариантами», — негромко заметила Царевна-лягушка.

— Уже плюс, — хмыкнула Яга. — Сразу узнаю слишком чувствительных.

Елена Прекрасная улыбнулась, подперев подбородок:

— А какого именно ты хочешь, Ягусь?

Яга пожала плечами:

— Понятия не имею.

Этот ответ почему-то удивил её гостей гораздо больше, чем само заявление о поисках.

— Совсем не знаешь? — спросила Елена.

— А должна?

Василиса Премудрая нахмурилась, доставая чистый лист из своего свитка:

— Было бы крайне полезно определить хотя бы основные параметры.

— Началось... — застонала Яга.

— Возраст? — строго спросила Василиса.

— В пределах разумного.

— Чьего разумного, Яга? Твоего или его?

— Моего, конечно.

— Тогда это не параметр. Я так и запишу.

Марья Моревна тяжело положила локти на стол, отчего посуда вздрогнула:

— Сильный тебе нужен, Яга. Чтобы железную подкову руками гнул.

— Зачем мне подковы гнуть, Марья? У меня Изба на куриных ногах, она не подкованная.

— Сильный нужен, потому что слабого ты сама сожрёшь и не заметишь.

— Я людей не ем уже века два как!

— Я не буквально, Яга. Хотя и буквально могла бы.

Елена Прекрасная покачала головой, поправив рябиновый венок:

— Он должен уметь ухаживать. Приносить цветы, говорить правильные слова.

— Пусть он для начала научится сам находить свои носки во дворе, — откликнулась Яга.

— Одно другому не мешает, — вздохнула Елена. — Теоретически.

Русалка подалась вперёд, её глаза блестели от любопытства:

— Красивый? Чтобы чернявый, с усами?

— Желательно не страшнее меня ранним утром после ве-

довской ночи.

— Богатый? — спросила Лебедь.

— Мне-то зачем его деньги? — искренне удивилась Яга.

Лебедь захлопала ресницами:

— Ну как зачем? Чтобы подарки дарил.

— У меня всё есть, Лебедь. Дом, лес, ступа, припасы в погребке. Если ты сейчас скажешь, что тебе опять что-нибудь подарили, я за себя не отвечаю и заткну тебя этим твоим мохнатым фруктом.

Лебедь благоразумно закрыла рот. Василиса тем временем уже вовсю что-то строчила на обороте своего списка. Яга прищурилась:

— Что ты там пишешь, Премудрая?

— Критерии отбора.

— Не надо мне никаких критериев!

— Так искать неудобно, Яга. Ты же не выбираешь коня на ярмарке вслепую.

Царь-девица, до сих пор молча евшая пирог, подняла глаза:

— Коня выбирать проще. У него зубы посмотреть можно.

И копыта.

За столом дружно расхохотались, и тема на некоторое время снова расползлась в стороны. Обсудили завтрашний праздничный костёр, спор Марьи с каким-то заезжим воеводой и лягушкину закваску, которая внезапно квакнула из Избушки так громко, что дом испуганно переступил с ноги

на ногу. Только значительно позже, когда сумерки окончательно сгустились, а Царь-девица открыла вторую бочку, Русалка, разливая вино по кружкам, вдруг тихо спросила:

— Так тебе, Яга, любовник нужен или муж?

Яга едва не пролила вино мимо кружки:

— Чего?

— Это разные хозяйственные задачи, Яга. Для любовника критерии одни, для мужа — совершенно другие. Что искать-то будем?

Яга хотела было отмахнуться, но вопрос Василисы и Русалки действительно оказался разумным. Любовник ей был не нужен — во всяком случае, не настолько, чтобы ради этого затевать ревизию лесных газет и выслушивать коллективные советы. То, о чём она думала с утра, было устроено иначе. Ей хотелось человека, который каким-то чудом поместится в её уже обустроенную, вековую жизнь и не заставит при этом перестраивать её целиком под себя.

— Мужа, наверное, — неохотно призналась Яга.

Русалка замерла с кувшином в руках:

— Прямо мужа? Чтобы со свидетелями и фатой?

— Я сказала «наверное».

— Это всё равно считается. — Кикимора победоносно посмотрела на Василису. — Нашлась-таки работа для твоих списков.

Яга сердито повернулась к ней:

— Ещё раз слово «список» произнесёшь — улетишь

праздновать обратно на своё болото.

— Я там живу, мне не привыкать, — улыbnулась та.

Никто, к счастью, не принялся убеждать Ягу, что ей непременно нужен мужчина определённого типа. Через минуту разговор снова утёк в сторону, потому что Марья Моревна обнаружила, что Русалка всё-таки пытается проташить свой подозрительный зелёный салат на праздничный стол без предварительной проверки. Василиса немедленно потребовала выяснить его точный состав, а Русалка заявила, что за последние четыре часа от одного только запаха этого салата никто на поляне не умер, и этого вполне достаточно для допуска к употреблению. И только Царевна-лягушка, до этого почти не участвовавшая в бурном обсуждении ягиной личной жизни, задумчиво протянула:

— А чего вы вообще гадаете? Сейчас ведь газеты есть специальные. Брачные.

Яга повернулась к ней, прищурившись:

— Какие ещё газеты?

— «Трындерь». Свежий выпуск у меня в корзине лежит. Я принесла.

Русалка немедленно оживилась, чуть не уронив кувшин:

— Ой!

Кикимора строго посмотрела на неё:

— Что «ой», Русалка? Ты там уже была?

— Нет... Ну, смотрела просто.

— Зачем?

Русалка возмутилась, тряхнув зелёными волосами:

— А что, мне уже и читать нельзя?

— Тебе — можно, — хмыкнула Кикимора. — Мужикам потом после твоего чтения тяжело дышать.

Лягушка невозмутимо продолжила, достав из корзины плотный, пахнувший свежей типографской краской свиток:

— Там теперь всё очень удобно устроено. Карточки, фотографии, возраст, имущество, кто кого ищет. И самое главное — отзывы есть.

Яга подалась вперёд, даже про кофе забыла:

— Какие ещё отзывы?

— Обычные. Кто с ним раньше встречался, может публично написать, что он за человек.

— На мужика? Отзыв? — Глаза Яги округлились. — Публично, в печати?

— В некоторой степени да. — Лягушка развернула свиток. — Пишут всё как есть. Женат ли, пьёт ли, врёт ли.

Русалка звонко рассмеялась:

— Если бы вруны сами это в анкетах указывали, было бы совсем удобно. Но девки в отзывах пишут честно. И оценки ставят. Звёзды. От одной до пяти.

Яга медленно отложила в сторону недоеденное яблоко. Вот теперь происходящее впервые за весь вечер начало приобретать вполне разумные, практические очертания. Если человечество за последние века додумалось снабжать мужчин подробными отзывами предыдущих пользователей и вы-

ставлять им оценки по пятибалльной системе, то, возможно, цивилизация развивалась не зря.

— И как, говоришь, называется эта ваша газета? — прищурилась Яга.

Русалка и Лягушка переглянулись.

— «Трындерь».

Яга помолчала, пробуя слово на вкус:

— Чего?

— «Трындерь». Название такое заморское. Там ещё девиз на первой странице напечатан.

По выражению лица Русалки Яга сразу поняла, что девиз ей вряд ли понравится, но любопытство оказалось сильнее:

— Ну? Какой девиз?

Русалка выдержала эффектную театральную паузу и выдала:

— «Трынди меньше — знакомься больше».

На этот раз над поляной грохнули со смеху абсолютно все, включая суровую Марью Моревну. Даже Царь-девица, обычно считавшая большинство человеческих слов необязательным шумом, откинулась на спинку лавки и покачала головой. Яга дождалась, пока девицы успокоятся, и снова принялась расспрашивать Лягушку. Чем больше та рассказывала, тем более здоровой выглядела затея.

Если раньше, в прежние века, приходилось сначала встретить мужчину, потратить на него драгоценное время, привязаться, а только потом выяснить, что у него законная жена

в соседнем селе, семь человек детей, тяжба за терем и привычка исчезать на три недели после слов «нам нужно поговорить», то теперь хотя бы часть этих неприятностей можно было обнаружить заранее. На стадии чтения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.